

Кэтрин
Чиджи

**КНИГА
ВИНЫ**

Catherine
Chidgey

**THE
BOOK
OF
GUILT**

Кэтрин
Чиджи

КНИГА ВИНЫ

Роман

Перевод с английского
Анны Гайдено

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(8Н03)
Ч-58

THE BOOK OF GUILT by CATHERINE CHIDGEY

Copyright © 2025 by CATHERINE CHIDGEY

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии United Agents Ltd. и Агентства Ван Лир

Перевод с английского Анны Гайденко

Редактор Игорь Алюков

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Кэтрин Чиджи

Ч-58 Книга вины: Роман / Пер. с англ. А. Гайденко. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 512 с.

В альтернативной реальности нового романа Кэтрин Чиджи послевоенная Европа достигла невиданных успехов в медицине и биологии — а все потому, что Вторая мировая война закончилась еще в 1943-м, после убийства Гитлера, и в рамках мирного договора союзники получили доступ к результатам опытов, которые проводились нацистскими учеными. Теперь, в Англии конца 1970-х, тройняшки Винсент, Уильям и Лоуренс — последние обитатели приюта “Капитан Скотт”, учрежденного в рамках “Проекта Сикомор”. С самого детства мальчики болеют неизвестной, но опасной Заразой, поэтому вынуждены жить в изоляции и регулярно принимать лекарства. Их дни строго регламентированы: зарядка, уроки, игры, прогулки под надзором трех воспитательниц-“матерей”. Проступки братьев заносятся в “Книгу вины”, сны — в “Книгу снов”, а все сведения о мире они черпают из “Книги знаний”. Больше всего на свете они мечтают выздороветь и уехать в Маргейт, где их ждут развлечения, купание в море и встречи с другими детьми. Однако по мере того, как правительство начинает сворачивать “Проект Сикомор”, идиллический фасад рушится.

ISBN 978-5-907943-15-5

© Анна Гайденко, перевод, 2026

© Андрей Бондаренко, оформление, 2026

© “Фантом Пресс”, издание, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

КНИГА СНОВ

9

Часть вторая

КНИГА ЗНАНИЙ

209

Часть третья

КНИГА ВИНЫ

387

Примечание об источниках

511

Вирджини Фентон

Часть первая

КНИГА
СНОВ

Пока я еще не знал, кто я такой, мы с братьями жили в большом старом доме в самом сердце Нью-Фореста. Синие бархатные шторы там пропитались пылью, каминные решетки-обманки были раскрашены под мрамор, а в обшитом панелями главном холле висели старые, потемневшие зеркала. На столбе у подножия скрипучей лестницы восседал дубовый грифон, и, проходя мимо, мы всякий раз на удачу гладили его отполированные крылья и шептали девиз, вырезанный на свитке у него на груди: *Vérité Sans Peur**. Мы, должно быть, жили недалеко от океана — теперь-то я это понимаю, — но никогда не бывали дальше Эшбриджа и никогда не видели большой воды. Тем не менее мы с братьями всегда грезили о ней, вызывая в воображении тихий шелест, непрерывный, как звук нашего дыхания, как биение нашей крови. Шум океана, думали мы, похож на звуки, которые дети слышат до рождения, и какой-то древний инстинкт тянул нас к нему. Когда-нибудь мы отправимся туда, где зародилась жизнь, твердили мы.

Наш дом был одним из приютов “Сикомор”, купленных в сорок четвертом году, когда еще шла

* Истина без страха (фр.).

война, для таких детей, как мы, хотя с годами нас стало меньше. Вы, наверное, слышали о Проекте?.. Хотя нет, вряд ли. На протяжении многих лет большинство нас не замечало — о нас даже не задумывались. Да и потом люди не любили говорить о приютах, неприятно чувствовать себя виноватыми, и я их понимаю. В любом случае тех приютов больше нет — одни заколочены, другие снесены, третьи превращены в квартиры, и там не осталось ни намека на происходившее прежде.

Наш приют предназначался для мальчиков. Он стоял на краю леса, через реку от деревни Эшбридж, и назывался “Капитан Скотт” в честь трагически погибшего великого исследователя. Снаружи дом был выкрашен в белый цвет, но местами краска облупилась и из-под нее проступала ржаво-красная кирпичная кладка. Территорию окружала высокая каменная стена с битым стеклом по верху — для нашей же безопасности; матери говорили, что мы особенные и поэтому нуждаемся в защите. Если выйти на улицу пораньше, можно было полюбоваться тем, как восходящее солнце расцветивает осколки и те сверкают в покое утра — изумрудные и янтарные, а серые камни самой стены напоминают хрящи с белыми прожилками.

Мы с братьями проводили много времени в саду: собирали листья каштана, такие огромные, что за ними можно было спрятать лицо целиком, разрезали червей, чтобы выяснить, получится ли из одного два, искали древние монеты и клады, потому что слышали о фермерах, которые находили несметные сокровища. Кто знает, что могло прятаться в земле у нас под ногами? Мы сажали многоножек в спичечные коробки и банки, ловили ба-

бочек “павлиний глаз” и дули на их чешуйчатые крылышки с узором в виде глаз — чтобы отпугивать хищников. Мы приносили жертвы садовым богам: возводили маленькие пирамидки из жуков, лепили изо мха птичек, выкладывали круги из лепестков-сердечек, оборванных с белой камелии, насаживали улитку на острую палку, как голову изменника — на пику. В папоротниковых зарослях мы рассматривали самих себя в декоративном шаре — зеркальной сфере, которая превращала нас в странных существ и искажала до неузнаваемости приют за нашими спинами. Послушные мальчики, помощники, мы собирали у ближайшего ручья острый кресс-салат для сэндвичей и грибы для рагу, чтобы его хватило надолго, но при этом знали, что нельзя трогать ни бледные поганки, ни лимонные мухоморы. Оставаясь без присмотра, мы тыкали палками в высокую траву, надеясь выманить гадюк, но хранили это развлечение в тайне. Со старого лимонного дерева мы срывали бугристые лимоны и относили Дневной маме, которая разрезала их пополам и выжимала сок в ручной стеклянной соковыжималке, прерываясь каждые несколько секунд, чтобы выгрести косточки и мякоть. Отжатые половинки лимонов с разодранной шелковистой изнанкой скапливались у нее под локтем, а потом она разливала сок по формочкам для льда и замораживала.

Мы и не помышляли о побеге. Это были счастливые дни — пока я еще не знал, кто я такой.

Наши матери жили в северном крыле, где мы почти никогда не бывали, и каждый день они по очереди присматривали за нами. Они не были родными нашими матерями — это мы понимали с самого

начала, — но любили нас как собственных детей и часто повторяли, что так бы нас и съели. Мы могли в любое время брать альбомы с полки в библиотеке и рассматривать фотографии, на которых матери держат нас, совсем еще малышей, на коленях, трясут погремушками, купают нас, проверяют температуру молока, капая себе на запястья, чтобы убедиться, что мы не обожжемся. Все это было задокументировано. Вот мы вместе с другими мальчиками из “Капитана Скотта” сидим на выстроенных в ряд детских стульчиках и колотим ложками по тарелкам с нарисованными игрушечными мишками. Ничего из этого мы не помнили, но наши матери рассказывали, какие мы были вечно голодные, как они щекотали нам животики и говорили: *Ты же лопнешь! Треснешь от жадности!* В альбомах лежали прядки наших невесомых волос, перевязанные ленточками — такие светлые, такие тоненькие — и подписанные: *Винсент, Уильям, Лоуренс*, потому что иначе их было не отличить. Наши первые зубы, тоже подписанные, тоже одинаковые. Глядя на эти драгоценные частички нас, которые сберегли наши матери, мы чувствовали себя особенными. Да, они нас любили. Если они и отдавали предпочтение кому-то одному из нас, то никогда этого не показывали.

Дежурство Утренней мамы начиналось в пять утра, когда мы еще крепко спали. Она бесшумно открывала дверь в коридоре наверху, отделяющем их крыло от нашего, и спускалась на кухню, чтобы сменить Ночную маму. Они быстро обменивались несколькими фразами, понизив голоса, чтобы не будить нас, Ночная мама передавала Утренней все сведения, которые могли ей пригодиться. Один

из нас разговаривал во сне, другой опять намочил постель — ничего особенного, насколько мы могли судить. Пока мы спали, она шла в прачечную, куда по бельевой трубе уже отправилась наша грязная одежда, а чистая ждала, когда ее выгладят, сложат и вернут нам — зеленые рубашки Лоуренсу, красные Уильяму и желтые мне. Мы всегда были опрятно одеты. Это важно, говорила Утренняя мама, потому что люди судят о других людях по одежде, волосам и ногтям — такова уж человеческая природа.

В половине седьмого, зажав под мышкой “Книгу снов”, в цветастом халате, накинутом поверх простой юбки и блузки, Утренняя мама на цыпочках поднималась по лестнице в нашу комнату.

Иногда мы просыпались еще до ее прихода и старались лежать неподвижно, думая о своих снах, и только о них. Простыни были сбиты и перекручены, и ужасно хотелось выпутаться из них, чтобы не ощущать грубые швы на штопаном-перештопаном полосатом хлопке, но если пошевелиться, если всего лишь открыть глаза, сны могут улетучиться, и надо будет просить прощения и сознаваться, что ничего не помнишь. Тогда голос Утренней мамы станет печальным, как будто ей причинили боль, ткнули в какое-то чувствительное и потаенное место маникюрными ножницами, которые детям не игрушка. Но чаще она все-таки будила нас сама, трогая за плечо и шепотом окликавая по именам. В те утренние часы мы не вполне осознавали, что она рядом, — нам казалось, что мы пересказываем сны самим себе, еще не до конца проснувшись. Лоуренс спал ближе всех к двери, поэтому она подходила к нему первому, садилась на край кровати, открывала книгу,

записывала дату и его имя и ждала, когда он заговорит. Потом она шла к Уильяму, спавшему у старого камина, и, наконец, ко мне — к окну. Мне приходилось заставлять себя не слушать голоса братьев, иначе их сны могли проникнуть в мои собственные и испортили бы все дело, как говорила Утренняя мама. Внесли бы неразбериху.

— Винсент, — шепотом звала она, держа ручку наготове, когда подходила моя очередь. В светлеющей комнате начинали вырисовываться ее веснушчатое лицо и рыжеватые кудри. — Расскажи мне все, что помнишь.

— Я брожу по голой вересковой пустоши, и вдруг передо мной встает на дыбы пони, — отвечал я, или: — Я ем, кусаю что-то твердое, а это мой собственный выпавший зуб, — или: — Я заворачиваю подарок и хочу оставить его себе, но Дневная мама говорит, что это все равно что украсть. — В этих беседах с Утренней мамой мы с братьями всегда говорили в настоящем времени, притворяясь, что видим сны прямо в этот момент, потому что ей так больше нравилось. Прошедшее время, по ее словам, отдаляло нас от сюжета сна и уже таило в себе забвение. — Я пытаюсь развести огонь, но спички не зажигаются. Я пришиваю именные бирки к своей новой одежде, но куча вещей растет на глазах, и я не представляю, когда успею сносить столько джемперов.

День за днем она записывала все в свою книгу. Всю эту бессмыслицу, все невнятные обрывки. Иногда в моей памяти утра сливаются в одно долгое утро, в один долгий сон. Наши нетвердые после пробуждения голоса. Вязанные одеяла, сделанные Ночной мамой и сползающие с кроватей. Пу-

ховые подушки, выдыхающие невидимую пыль. Ручка Утренней мамы, которая шуршит по странице, записывая каждую деталь.

Вряд ли вы помните даже свои давние сны, не говоря уже о чужих, поэтому, скорее всего, не пове­рите, когда я скажу, что до малейших подробностей помню один из снов Лоуренса. Это было очень много лет назад — в марте 1979 года, — но я все помню, потому что тогда впервые услышал о ней.

— Я бегу по лесу за девочкой, — пробормотал он, еще полусонный.

— За девочкой? — переспросила Утренняя мама, и в ее голосе послышались какие-то незнакомые нотки. Что-то ломкое. — Сколько лет этой девочке?

— Как мне, лет тринадцать. Это происходит весной, и я нарвал для нее букет колокольчиков.

— Лоуренс завел себе *подружку*, — вставил Уильям, и я засмеялся, хотя должен был сосредоточиться на собственном сне.

— Тихо! — прошипела Утренняя мама, которая никогда так с нами не разговаривала. — Лоуренс, продолжай. Как выглядит эта девочка?

— Худая. Босые ноги. Длинные черные волосы.

— А одежда?

Лоуренс молчал.

— Что на ней надето, Лоуренс?

Пауза. Воздух в спальне сгустился от напряжения.

— Ничего, — прошептал он.

Я снова рассмеялся — это было сильнее меня.

— Замолчишь ты или нет? — одернула меня Утренняя мама. — Так что, Лоуренс, милый, ты догоняешь эту девочку?

— Нет. Она оглядывается на меня через плечо и смеется, но я не могу ее поймать. Это конец.

— И больше ничего? Ты уверен?

— Это конец, — повторил он.

Застелив постели, умывшись и выйдя на улицу делать зарядку, мы с Уильямом попытались разузнать подробности. Девочка была красивая? Это был стыдный сон? У нас как раз началось такое — во сне мы теряли контроль над собственными телами и просыпались на грязных простынях, которые сгребали и спускали в бельевую трубу. Сначала мы боялись, что заболели или даже умираем, но Утренняя мама сказала, что с этим явлением надо смириться, каким бы неприятным оно ни было для всех причастных.

Лоуренс отмахнулся от наших вопросов и стал делать разминку, как и полагалось в начале зарядки, чтобы не получить травму. Он морщился, когда двигал плечами, вращал бедрами, подтягивал согнутые колени к груди: суставы у него болели уже несколько недель. Просто девочка, сказал он. Ничего особенного. Даже когда мы с Уильямом на него навалились, предварительно убедившись, что никто из матерей не видит, он изобразил, что застегивает рот на молнию. Он бывал очень упрямым, особенно если на него наседали.

Мы отжимались и прыгали “звездочками”, стряхивая с себя холод мартовского утра. В небе еще висела половинка луны, и это всегда казалось неестественным, хотя мы часто видели ее в самом начале дня. Мы шурились и пытались разглядеть флаги, о которых рассказывали нам матери, — американский, немецкий и британский, воткнутые в лунную пыль в 1957 году.

Позже, когда мы ждали уроков в библиотеке, Уильям снова начал расспрашивать Лоуренса про сон, но Лоуренс сделал вид, что занят: выбрал штук пять цветных карандашей, стоявших в баночке из-под патоки, и один за другим принялся их точить. Однако он покраснел. Покраснел из-за девочки без одежды.

Я прошел в дальний угол и стал рассматривать фотографии, висевшие рядом со шкафом для инструментов. Сколько я себя помню, раз в год мы все выстраивались на улице, чтобы Утренняя мама сфотографировала нас для отчетов доктора Роуча. Она брала настоящий большой фотоаппарат — такие были в каждом приюте, — и мы становились в ряд вдоль лавандовых клумб. Я разглядывал фотографию трехлетней давности, сделанную в те времена, когда нас в приюте было человек сорок. Вот двое Джонсов, четверо Браунов, трое Смитов — все они уже уехали в Большой приют в Маргейте. Вот Джон Уилсон и Дэвид Коллинз, у которых не было братьев, и поэтому их жалели, но дружить с ними не хотели, — они тоже уехали. Пол Браун в аранском свитере, который Ночная мама связала ему на день рождения, он так полюбил этот свитер, что продолжал его носить, даже когда пояс расползся, а манжеты перестали доходить до запястий. Ричард Джонс снял очки, а его брат — нет, они всегда старались хоть чем-то отличаться друг от друга. Роджер Смит улыбается от уха до уха, потому что знает, что задумал Уильям, — а вот и он, мой прекрасный брат, на обоих концах длинного ряда мальчиков. Сначала он встал слева от Утренней мамы и улыбнулся в объектив, а потом, когда

фотоаппарат двинулся дальше, перебежал на правый край. Но кто этот мальчик рядом со мной? И кто рядом с ним, если уж на то пошло? Я осознал, что теперь, после их отъезда в Маргейт, не могу даже вспомнить их имена. Вообще с трудом их припоминаю. И уже много лет к нам не подсеяли новеньких — в “Капитане Скотте” мы были последними.

— Итак, мальчики, — сказала Утренняя мама, начиная урок, — пожалуйста, достаньте тетради. Нам сегодня многое предстоит успеть. Как мы себя чувствуем? Хвост торчком, глаза горят?

Да, кивнули мы, никаких проблем. Никаких серьезных проблем. Только сердце у меня немного трепыхалось в груди.

Мы заканчивали Вторую мировую войну, и Утренняя мама взяла с полки второй том “Книги знаний” (“ВОМ — ИМП”) и открыла раздел, посвященный Гетеборгскому договору.

— 16 ноября 1943 года, — читала она, — Адольф Гитлер был убит взрывом бомбы, которую пронес на себе майор Аксель фон дем Буше. Буше демонстрировал новую зимнюю форму для немецкой армии и спрятал модифицированную противопехотную мину в рюкзаке. Приблизившись к фюреру, он привел в действие детонатор и закашлялся, чтобы заглушить шипение. Когда он обнял Гитлера, взрыв мгновенно убил обоих.

Уильям со свистом выдохнул воздух сквозь зубы, заключил Лоуренса в объятия, потом издал горловой звук, похожий на взрыв бомбы, и повалился на пол, увлекая Лоуренса за собой.

— Да, спасибо, Уильям. Очень реалистично. Пожалуйста, мальчики, сядьте на свои места.

— Он мне запястье вывихнул! — сказал Лоуренс, хотя и знал, что жалобами ничего не добьешься.

— Сядь на место, — велела Утренняя мама, указывая пальцем на стул Лоуренса, и продолжала: — После убийства заговорщики казнили высокопоставленных нацистских лидеров и сформировали временное правительство. Две недели спустя в Гетеборге, это в Швеции, начались мирные переговоры с западными союзниками. Сначала американский президент Франклин Д. Рузвельт требовал от Германии ни много ни мало безоговорочной капитуляции, но после сложных переговоров Германия согласилась вывести войска из Франции и не сопротивляться оккупации союзников, что обеспечило ей защиту от полномасштабного советского вторжения. Германия также согласилась на проведение демократических выборов до конца года, и в результате пост премьер-министра занял Клаус фон Штауффенберг, а пост канцлера — фельдмаршал Эрвин Роммель. По настоянию нашего премьер-министра лорда Галифакса союзники позволили Германии оставить за собой Судетскую область, Австрию и Эльзас-Лотарингию. Министр обороны Уинстон Черчилль назвал этот компромисс горькой пилюлей, однако Галифакс заявил: “Настал поворотный момент. Дальнейшее промедление приведет лишь к дальнейшим страданиям: мы должны заключить мир, какой бы ни была цена”. — На этих словах голос Утренней мамы понизился, она сделала паузу. — В жизни невозможно получить все, что хочешь. Все, что считаешь правильным. Иногда приходится принимать трудные решения. Да?

Мы кивнули, хотя и не до конца понимали, о чем она.

— Так кто выиграл войну? — спросил Уильям.

— Никто, — сказала Утренняя мама.

— Но кто-то же должен был выиграть.

— Никто не выиграл и никто не проиграл, — повторила Утренняя мама. — На этом в итоге и сошлись стороны, подписавшие Гетеборгский договор. И этот договор принес всем очень большую пользу. Он ознаменовал не только быстрое окончание войны, но и обмен всевозможными научными разработками. Как мы знаем, уже после Первой мировой, когда погибли миллионы солдат и гражданских и повсюду свирепствовали страшные болезни, были достигнуты значительные успехи в биологии. Ученые изо всех сил старались... — Тут она запнулась. — Старались искоренить эти болезни и творили настоящие чудеса. Мир о таком и мечтать не мог. Пенициллин начали массово производить в тысяча девятьсот?..

— Тридцатом году, — ответили мы.

— А вакцину от полиомиелита?..

— В тридцать восьмом.

— А двойную спираль ДНК открыли?..

— В тридцать девятом.

Она улыбнулась: ей всегда было приятно, когда мы помнили материал предыдущих уроков.

— А потом благодаря сотрудничеству, которое стало возможным после заключения договора, мы достигли огромного прогресса. Известный вам доктор Роуч добился поразительных успехов в... в своей области, получив доступ к исследованиям, которые проводились в лагерях до и во время войны. Отчасти эта информация ужасна, но она имеет ог-

ромную научную ценность. Так что те несчастные люди умерли не напрасно. В определенном смысле они остались жить в веках — мы можем назвать это так. Всегда нужно помнить о всеобщем благе.

Мы снова кивнули, а потом она посмотрела на часы, и оказалось, что пришло время перерыва. Она пошла на кухню, чтобы нарезать нам яблоки и сыр, насыпать изюм в маленькую голубую пиалу и приготовить лекарства.

Уильям взял первый том “Книги знаний” (“А — ВОЛ”) и нашел статью об Адаме и Еве. Мы часто изучали ее, когда оставались одни, в основном из-за картинки с обнаженными фигурами, хотя это была всего лишь нечеткая репродукция — черно-белая копия, которая расплывалась мушинными пятнами, если поднести ее к глазам слишком близко.

— Так выглядела девочка из твоего сна? — спросил Уильям. — У нее длинные черные волосы. Может быть, именно отсюда ты ее и взял.

Лоуренс вздохнул: мы явно не оставим его в покое. Он посмотрел на полные руки Евы, на ее пышные бедра.

— Слишком крупная, — сказал он. — И мне по-прежнему кажется, что Адам пытается схватить ее за грудь.

Мы уже спорили об этом раньше.

— Он пытается не дать ей сорвать яблоко, — возразил я.

— И схватить ее за грудь.

Уильям поставил книгу на место и, присев на край подоконника, принялся ковырять стеклянный глаз козы, которую мы смастерили на День рукоделия. Коза смотрела на нас пристальным

немигающим взглядом, до странности похожим на человеческий.

— Кажется, мне она тоже снилась, — сказал он.

— Кто, Ева? — не понял Лоуренс.

— Худая девочка, бегущая по лесу.

— Что?

У других братьев бывали одинаковые сны, но у нас — никогда.

— Ты не говорил об этом Утренней маме, — сказал я.

— Не говорил.

— Ты что, забыл?

Такое случалось время от времени — мы забывали свои сны, но потом что-нибудь увиденное или услышанное напоминало о них, и мы рассказывали той матери, которая была на дежурстве, чтобы она могла задним числом сделать запись в книге.

— Нет, — отозвался Уильям. — Она... она немножко меня напугала.

— Утренняя мама? — удивился я. Она бывала строгой, но уж точно не страшной. Не настолько.

— Девочка из сна. — Он все еще ковырял козий глаз, пока тот не вывалился из деревянной головы вместе с провололочкой, облепленной у основания засохшим клеем.

Лоуренс свел брови.

— *Напугала?* — переспросил он.

Уильяма никогда ничего не пугало.

— Я подумал, что если расскажу о ней, то она... станет настоящей.

Я чувствовал, что Уильяму не по себе.

— Это просто глупый сон, он ничего не значит, — сказал я. Взял тюбик клея из шкафа для ин-

струментов и вернул глаз на место, вставив проводочку обратно в козью голову. — Я знаю, что мы сделаем. Сегодня днем, после обеда, я буду тобой, ты Лоуренсом, а он мной. Договорились?

Мы делали это с самого детства — притворялись друг другом и проверяли, заметит ли кто-нибудь. Иногда такое случалось — мы выдавали себя, отозвавшись не на то имя, то есть на свое собственное, или забывали спрятать характерную сыпь или синяк, — но чаще всего никто не догадывался. Настолько мы были похожи.

Мне нужно было в туалет, поэтому я распахнул дверь библиотеки и направился в коридор со словами: “Настал поворотный момент. Дальнейшее промедление приведет лишь к дальнейшим страданиям”. Проходя мимо икебаны из веток сливы, гортензий и буддлеи, составленной Дневной мамой и символизирующей космический баланс между изобилием и пустотой, я чуть не столкнулся с Утренней мамой. Она подняла бровь — мы боялись этой поднятой брови как огня — и осторожно поставила поднос с яблочными дольками, сыром, изюмом и лекарствами на стол, после чего заметила, что она все слышала, и хотя я наверняка считаю себя очень остроумным, надо проявить немного уважения к британским героям, таким как премьер-министр Галифакс. Он извлек максимум пользы из сложной ситуации, и его решения пошли на благо всей страны — на благо науки.

— Мне записать тебя, Винсент? — спросила она.

— Нет, Утренняя мама, — сказал я, и меня охватила слабость. Снова затрепыхалось в груди. — Прости.